

**ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО
ЛИТЕРАТУРЕ**

2022-2023 учебный год

Муниципальный этап

11 класс

Уважаемый участник Олимпиады!

Вам предстоит выполнить письменно два задания – аналитическое и творческое. Время выполнения заданий – 6 академических часов (270 минут).

Выполнение письменных заданий целесообразно организовать следующим образом:

- не спеша, внимательно прочитайте предложенные ниже задания и художественные тексты;

- обдумайте и сформулируйте Ваши ответы;

- не забывайте, что единственно правильного ответа нет – важнее, чтобы ответ соответствовал заданию, опирался на знание художественного текста, историко-культурного и литературного материала и литературоведческой терминологии, а Ваша точка зрения была убедительной и аргументированной;

- после выполнения всех предложенных заданий обязательно проверьте себя.

Максимальная оценка за два верно выполненных задания – 100 баллов.

Желаем успехов!

I. АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Выполните целостный анализ прозаического ИЛИ поэтического текста (по Вашему выбору).

Максимальное количество баллов – 70.

ПРОЗАИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

Выполните целостный анализ рассказа Людмилы Улицкой «Перловый суп» (1991). При анализе примите во внимание следующие особенности его художественного содержания и формы:

- особенности композиции повествования и хромотопа;

- роль художественных деталей (портретных, психологических и пр.) в создании образов героев;

- развитие темы памяти и мотива воспоминаний в рассказе.

Предложенные направления анализа носят рекомендательный характер.

Вы можете выбрать собственный путь анализа.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый, самостоятельный текст.

Л. Улицкая

ПЕРЛОВЫЙ СУП

Почему ранняя память зацепилась трижды за этот самый перловый суп? Он был действительно жемчужно-серый, с розоватым, в сторону моркови, переливом и дополнительным перламутровым мерцанием круглой сахарной косточки, полузатопленной в кастрюле.

Вечером, после запоздалого обеда, мама перелила часть супа в помятый солдатский котелок и дала его мне в руки. Я спускалась по лестнице со второго этажа одна, а мама стояла в дверях квартиры и ждала. Эта картина осталась у меня почему-то в этом странном ракурсе, сверху и чуть сбоку: по лестнице осторожно спускается девочка лет четырех в темно-синем фланелевом платье с клетчатым воротничком, в белом фартучке с вышитой на груди кошкой – в одежде, соответствующей дореволюционным идеалам моей бабушки, полагающей, что фартук именно потому должен быть белым, что на темном грязь плохо видна, – коротенькая толстая косичка неудобно утыкается сзади в шею, но поправить невозможно, потому что в одной руке теплый котелок с супом, а другой я держусь за чугунные стойки перил.

Туфли на пуговицах немного скользят по стертým ступеням, и потому я иду младенческими приставными шагами, с большой опаской.

Я спускаюсь на марш, поворачиваюсь, вижу маму, которая терпеливо ждет меня в дверях и улыбается своей чудесной улыбкой, от которой красота ее немного портится.

Я вздыхаю и продолжаю спуск. Внизу, под лестницей, в каморе, живет пара нищих, костлявый носатый Иван Семенович и маленькая старушка по прозвищу Беретка. Я их боюсь и брезгаю, но мама, как мне кажется, об этом знать не должна.

Под лестницей нет электричества, иногда у них горит керосиновая лампа, иногда совсем темно. Обыкновенно Иван Семенович лежит на какой-то лежанке, покрытой тряпьем, а Беретка, в вытертом бархатном пальто и серо-зеленой вязаной беретке, сидит у него в ногах.

Я стучу. Никто не отзывается. Спиной я открываю дверь. Керосиновая лампа выдает мне Беретку, которую без головного убора я сначала не узнаю. Оказывается, она лысая, вернее, не совсем лысая: и лицо и голова ее покрыты одинаковыми редкими длинными волосами и крупными коричневыми родинками. Она жалко улыбается и суетливо натягивает на лысую голову берет:

– Ой, детка, это ты, а я и не слышу.

Я отдаю ей котелок, из кармана фартука вынимаю два куска хлеба и говорю почему-то «спасибо».

Беретка переливает суп из котелка в банку и бормочет что-то неразборчивое, похожее на «мыло, мыло».

Сухой, грязной рукой возвращает мне котелок. Старик кашляет. Беретка кричит ему:

– Иван Семенович! Вам покушать прислали, вставайте!

Пахнет у них ужасно.

С облегчением бегу я вверх по лестнице, мама стоит на свету, в дверном проеме и улыбается мне. Она в белом фартуке, даже с кружевной ленточкой на

груди. Мама красивая, как принцесса. Одно только смущает: кажется, у принцесс белокурые волосы, а у мамы веселые черные кудряшки, подхваченные сзади двумя заколками...

Нищие исчезли незадолго до праздника, который я запомнила очень хорошо. Отец вел меня за руку по нарядному городу, и повсюду были выставлены косые красные кресты. Я начинала тогда разбирать буквы и спросила у отца, почему всюду написано «ХА-ХА-ХА...». Он раздраженно дернул меня за руку, а потом объяснил, что эти косые кресты означают еще цифру тридцать.

Вечером того же дня, уже лежа в постели, я слышала, как мама говорит отцу:

– Нет. Не понимаю, отказываюсь понимать, кому они мешали...

– Город к празднику почистили... – объяснил ей отец.

Во второй истории перловый суп не был главным действующим лицом, а лишь скромно мелькнул на заднем плане.

Воскресным утром в дверь позвонили. Один раз, а потом еще один. Дверь в нашу комнату была первой по коридору. Один звонок был общий, два – к нам, три – к Цветковым... восемь – к Кошкиным.

– Вероятно, это общий, – пробормотала мама. Коленями она стояла на стуле, а локтями упиралась в стол. Таблицы с синими, красными и взятыми в кружок цифрами лежали перед ней.

Она спрыгнула со стула и, все еще неся напряжение мысли на круглом умном лобике, пошла открывать.

Огромная темная женщина стояла в дверном проеме. На ней был длинный военный плащ до полу, ярко белел пробор на круглой толстой голове. Мама смотрела на нее выжидающе, и тетка не обманула ожидания: она распахнула плащ и предъявила огромное голое тело.

– Погорельцы мы! Все-все погорело... как есть... – сказала женщина немосковским мягким голосом и запахла лик своего тела.

– Ой, да вы заходите, заходите, - пригласила мама, и женщина, озираясь, вошла.

Прихожая нашей многосемейной квартиры была заставлена сундуками, корытами, дровами и шкафами.

– Я сейчас, сейчас, – заторопилась вдруг мама. – Да вы сядьте, - и мама сняла ящик с венского стула, который был втиснут между цветковским сундуком и тищенковской этажеркой.

Мама кинулась в комнату, вытянула нижний ящик шкафа, села перед ним и стала выбирать из старого белья подходящее для погорелицы. Две длинноногие пары дедовых кальсон бросила она на пол и побежала на кухню. Разожгла примус, поставила на него кастрюлю и снова метнулась в комнату.

Женщина сидела на стуле и все разглядывала рогатую вешалку Кудриных, на которой висели ватник и шинель. А мама выбросила все с полок шкафа и быстрыми пальчиками перебирала свои тряпки.

Сосед Цветков высунулся в коридор.

– Погорельцы вот, – сказала ему мама виноватым голосом, но он быстро захлопнул свою дверь.

Мама налила большую миску переливчатого перлового супа, отрезала кусок серого хлеба и вынесла погорелице.

– Вот покушайте пока, – попросила мама тетку, и тетка приняла миску.

– Ой, да так неудобно, – всполошилась мама и притащила газету. Постелила ее на покрытый сине-красным ковром Цветковский сундук, усадила женщину как бы к столу.

– Дай тебе Бог здоровья, - сказала женщина и принялась за суп. А я наблюдала сквозь щель неплотно прикрытой двери, как лениво она ест перловый суп, бросая в него кусочки хлеба, скучно водя ложкой в миске и посматривая по сторонам.

Зубов у нее не было.

«Видно, и зубы сгорели, – подумала я. И еще: – Она тоже не любит перловый суп».

А мама засовывала в узел шелковое трико лососинового цвета с луковыми заплатами и говорила тихонько не то мне, не то самой себе:

– Господи, ну надо же такое, чтоб прямо голой, на улицу...

А женщина доела суп, поставила миску на пол... встала, распахнула плащ... глаз я не могла отвести от ее странных тихих движений. Наконец мама выволокла узел в коридор:

– Вот собрала... Да вы оденьтесь, оденьтесь. У нас ванная комната есть, – предложила мама.

Но женщина отклонила предложение:

- Детки меня ждут. Мне бы деньжонок сколько-нибудь... – А мама уже вынимала сложенную в четыре раза тридцатку. – Спасибо, век вашу доброту не забуду, - поблагодарила женщина скороговоркой, и мама закрыла за ней дверь.

Потом, собирая с полу разбросанные вещи, мама говорила мне в некотором недоумении:

– А штаны сразу могла бы надеть, правда?

Я не сразу ответила, потому что мне кое-что надо было обдумать и понять.

– Штаны холодные, – сообразила я наконец, – а ковер теплый.

Было солнечно и снежно, с детьми в такую погоду полагалось гулять.

– Может, погуляешь сама под окошечком? – извиняющимся голосом предложила мама, кося на свои таблицы.

Я согласилась великодушно. Меня снарядили, подвязали поясом желтую плюшевую шубу, сшитую бабушкой из старого покрывала, желтую шапку из того же самого покрывала застегнули под подбородком, дали лопату и синее ведро и вывели на улицу... Прямо перед нашей дверью лежала разворошенная куча маминых вещей. И бедные отвергнутые трико лежали сверху.

– Ой, что же это... – пролепетала моя маленькая мамочка.

– Я же тебе говорю, штаны-то холодные, а ковер теплый... – все пыталась я объяснить маме положение вещей.

– Да какой ковер? – наконец услышала меня мама.

– Тот, что на сундуке лежал... Она его на себя надела, – объяснила я несмышленной маме.

И тогда мама вдруг всплеснула руками и захохотала:

– Ой, что же я наделала! Ну, Цветкова меня убьет!...

Моя мама был биохимиком, и любовь ее к восхитительно стеклянной науке происходила, вероятно, из того же милого женского корня, откуда произрастает любовь к стряпне. Как мне нравилось в детстве бывать в маминой лаборатории, разглядывать на высоких столах штабеля пробирок с разноцветными растворами, стройные, с птичьими носами бюретки, толстые темные бутылки. И как же ловко мама управлялась со всем этим сверкающим стеклом... Готовила мама тоже преотлично. И соуса, и пироги, и кремы... Дался же мне этот перловый суп! Не так уж часто мама его варила. Но в тот день был как раз перловый...

С колючим шарфом на шее я сидела в кухне на маленькой скамеечке и смотрела, как мама что-то химичит. Еще две соседки копошились у своих столов, мелко гремя посудой, звякали ножами.

И тут в кухню вошла Надежда Ивановна. Странная была старуха, вся в разноцветных заплатках. И на одном глазу, тоже вроде неуместной заплатки, сидело бельмо. Молча потянула она маму за рукав, и мама, бросив морковь и вытирая на ходу руки, мелкой своей походочкой пошла за ней, встревоженно спрашивая:

– Что? Что? С Ниной?

Нина была дочь Надежды Ивановны, взрослая девушка, тяжелая сердечница с ракушечными голубыми ногтями и синими губами, плохо покрашенными красной помадой.

Я было двинулась за мамой, но она почти грубо махнула мне рукой:

– Сиди здесь.

И я осталась сидеть, обиженно перебирая кисточки кусачего шарфа. Соседки, на минуту оторвавшись от хозяйства, снова застучали и загремели.

Я сидела довольно долго, успела сплести все кисточки в одну перепутанную косичку.

А потом мама и Надежда Ивановна вернулись. Что-то переменялось. Они шли медленно. Мама, взявши соседку за плечо, усадила ее на табурет. Лицо Надежды Ивановны было неподвижное, белое, казалось, что у нее не одно бельмо, а два. В руках она держала картонный футляр от градусника. Мама ей тихо говорила:

– Мы сейчас валерьянки... валерьяночки... Надежда Ивановна...

– А если «скорую», так ведь увезут... – не меняя неподвижного лица, говорила соседка. И совсем невпопад: – А я думаю, спит-то как спокойно...

– Сейчас, сейчас... Позвоним... все сделаем, Надежда Ивановна, – торопливо говорила мама, громко кадая в рюмку. А соседка в коридоре кричала в телефон:

– Это тебе не отдел снабжения, Шура, ты имей в виду... Пусть заявку пишет, от меня не дождетесь!

Надежда Ивановна отвела мамину руку с протянутой рюмочкой и с лицом, как будто вдруг проснувшись, сказала маме:

– Марина Борисовна, налей-ка ты мне тарелку супчику...

Мама заметалась, вытащила из-под меня скамеечку, потому что красивые тарелки стояли на верхней полке и она до них не доставала. Налила в белую фаянсовую тарелку серебристого и переливчатого перлового супа, поставила тарелку на край кухонного стола. Вытерла серебряную ложку с тонким черенком свежим полотенцем и подала соседке.

– И ты поешь со мной, Марина Борисовна, – попросила Надежда Ивановна, и мама протерла еще одну ложку и, придвинув вторую табуретку, села рядом с одноглазой старухой и запустила ложку в ту же самую тарелку.

Мне очень хотелось сказать этой старухе, что мамочка моя никакая не Марина, что ее зовут Мириам, но сказать я не могла ничего, потому что они ели из одной тарелки, и слезы текли по лицу Надежды Ивановны, и не только из живого, но и из белого, неживого глаза, и по маминому лицу тоже текли слезы.

– Вкусный ты суп варишь, Марина Борисовна, – сказала Надежда Ивановна. – И чего ты в него ложишь?

Она последний раз облизнула ложку и положила ее рядом с тарелкой:

– Спасибо тебе. Отмучилась моя доченька.

... Давно никого нет. Нины, Надежды Ивановны. Мамы уже двадцать лет как нет. И перловый суп я никогда не варю.

1991

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

Выполните целостный анализ стихотворения Александра Кушнера «То, что мы зовём душой...» (1969). При анализе примите во внимание следующие особенности его художественного содержания и формы:

- своеобразие раскрытия традиционной философской темы;
- особенности композиции и ее связь с развитием идеи;
- символика ключевых слов и образов.

Предложенные направления анализа носят рекомендательный характер.

Вы может выбрать собственный путь анализа.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый, самостоятельный текст.

А. Кушнер

* * *

То, что мы зовём душой,
Что, как облако, воздушно
И блесит во тьме ночной
Своенравно, непослушно
Или вдруг, как самолет,
Тоньше колющей булавки,
Корректирует с высот
Нашу жизнь, внося поправки;

То, что с птицей наравне
В синем воздухе мелькает,
Не сгорает на огне,
Под дождем не размокает,
Без чего нельзя вздохнуть,
Ни глупца простить в обиде;
То, что мы должны вернуть,
Умирая, в лучшем виде,—

Это, верно, то и есть,
Для чего не жаль стараться,
Что и делает нам честь,
Если честно разобратся.
В самом деле хороша,
Бесконечно старомодна,
Тучка, ласточка, душа!
Я привязан, ты — свободна.

1969

II. ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Последняя строчка

Один из выпусков популярного литературного канала «Армен и Федор» посвящен десяти лучшим первым строчкам в истории русской литературы: авторы анализируют место этих строчек и их роль в понимании идеи произведения.

Напишите для канала «Армен и Федор» (или для своего канала) разбор *последней* строчки (она подчеркнута) рассказа И.А. Бунина «Господин из Сан-Франциско»:

«А середина «Атлантиды», столовые и бальные залы ее изливали свет и радость, гудели говором нарядной толпы, благоухали свежими цветами, пели струнным оркестром. И опять мучительно извивалась и порою судорожно сталкивалась среди этой толпы, среди блеска огней, шелков, бриллиантов и обнаженных женских плеч, тонкая и гибкая пара нанятых влюбленных: грешно-скромная девушка с опущенными ресницами, с невинной прической, и рослый молодой человек с черными, как бы приклеенными волосами, бледный от пудры, в изящнейшей лакированной обуви, в узком, с длинными фалдами, фраке — красавец, похожий на огромную пиявку. И никто не знал ни того, что уже давно наскучило этой паре притворно мучиться своей блаженной мукой под бесстыдно-грустную музыку, ни того, что стоит глубоко, глубоко под ними, на дне темного трюма, в соседстве с мрачными и знойными недрами корабля, тяжело одолевавшего мрак, океан, вьюгу...»

Максимальное количество баллов – 30.